ИНТЕРВЬЮ С ТАНКИСТОМ ФРЭНСИСОМ «СНАФФИ» ФУЛЛЕРОМ

712-Й ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН, КОМАНДИР ВЗВОДА

Фрэнсис Фуллер

Сколько вам было лет, когда вы пошли в армию?

Двадцать семь. Я был старше, чем большинство других, за исключением Джона Зиммера (John Zimmer) и еще пары парней.

Вы из этих мест?

Я из Северной Тонаванды (North Tonawanda, штат Нью-Йорк). Тогда я был менеджером в магазине. Вообще, я не хотел идти в армию, поскольку делал очень хорошие деньги в то время. А опускаться до уровня в 21 доллар в месяц было резкой переменой. Меня отправили в лагерь Форт Ниагара для промывки мозгов, а потом в Форт Нокс/Fort Knox, где прошел первичную подготовку. Потом, в декабре, объявили войну, и меня отправили в Форт Беннинг в штате Джорджия. Там я пробыл две недели, а потом был переведен на Гавайи, куда прибыл в январе 1942 года. Там все волновались по поводу возможного вторжения, но мы об этом не беспокоились. У нас были старые легкие танки *M2A2* или что-то вроде этого, с небольшими пулеметами 37-го калибра.

Те же, что были у вас в Роте *D*?

Нет, эти были еще более «худыми», даже более легкими, чем те. В Роте *D* были превосходные легкие танки, очень быстрые. А эти были старыми драндулетами (clunkers) с дизельным мотором *Garbison*. Нас разместили на острове Оаху, в казармах *Скофилд /Schofield Barracks*, потом перевели на остров Кауаи/Kauai, где нам пришлось строить себе лагерь. Мне нравилось на Гавайях. Там я дослужился до звания техника-сержанта, и это учли, когда искали людей для Офицерской Школы/Officers Candidates School. Я подал заявление и был отправлен обратно в Форт Нокс. После выпуска из Офицерской Школы я получил направление в лагерь Чэфи/Camp Chafee, штат Арканзас, оттуда был переведен в Форт Мид, штат Мэриленд, потом в лагерь Килмер. Оттуда на лайнере *Queen Mary* я отбыл в Англию.

Как прошло плавание на *Queen Mary*?

Без особых событий. В плавании к Гавайям было потяжелей, потому что очень много времени заняли зигзаги, применявшиеся для безопасности. Плавание на *Queen Mary* напоминало круиз, хотя по ночам приходилось стоять на палубе и высматривать подводные лодки. Офицеры жили в каютах в отличие от солдат, спавших в отсеках для рядового состава. Они были вполне сносными. В итоге мы оказались во Франции. Это было уже после высадки в Нормандии, в августе…

Я получил назначение в 712-й Танковый Батальон, в Роту *B*. Командовал ей капитан Боб Вутек (Bob Vutech). Помню, как мы оказались в фермерском доме, за городом, с противоположной стороны Меца, и вели неприцельный огонь (indirect fire). То есть, время от времени кого-то отправляли наружу, вместе с офицером, потому что нам нужно было наводить пушки, чтобы [примерно] знать, куда мы стреляем… Еще помню, как я оказался в маленьком городке под названием Гравелот/Gravellotte, сильно разрушенном. Тогда я первый раз увидел, что такое война, там мы были под артиллерийским огнем. Как-то ночью я попытался пройтись по дороге в направлении форта Мец, и попал под минометный обстрел. Помню, как быстро мы убрались оттуда.

В Гравелоте с нами была небольшая группа солдат-пехотинцев. Как-то кто-то подстрелил свинью, и мы хорошо поели жареного мяса. Мы расположились в фермерском доме, и капитан Вутек сказал мне, что наша цель – Мец. Они собирались получить набор резиновых танков и полугусеничных грузовиков – тех самых макетов – и сопровождающую звуковую систему. Вот он и говорит мне: «Ты их поведешь.» Короче, посмеялся надо мной. Однако какое-то число этих поддельных танков пришло на место, и я потом читал, что их использовали. Мы околачивались там где-то около месяца, а потом меня перевели в Роту *C* и сказали, что эти парни находятся на отдыхе, потому что на целый месяц остались без горючего.

Было это в сентябре. Потом мы снова начали воевать. Мое первое задание было таким: мне дали взвод Роты *C* и сказали: «Ты должен взять этот городок.» Показали мне его на карте и говорят: «Пройдешь такое-то расстояние, там тебя встретит пехота, с ними и возьмешь городок.» Я до этого городов не брал. Ну, загрузили танки боеприпасами, вышли из городка в открытое поле. Никакой пехоты поблизости. В конце концов, справа кто-то открыл по нам стрельбу, и снаряды стали рваться прямо рядом с нами на этом самом поле. Я приказываю: «Двигайте танки, все время будьте в движении, чтобы не дать им попасть в нас.» Было почти совсем темно, ну я и говорю сержанту Бёрлу Радду (Byrl Rudd): «Радд, что будем делать.» - «Не знаю, лейтенант.» Я ему говорю: «Вколоти снаряд в первый по счету дом.» Мы завели машины, выехали на дорогу, ведущую к этому самому городку, приблизились к первому дому и наткнулись на целую кучу сельскохозяйственных машин, перегородившую дорогу. Я и говорю: «Выстрел по первому дому.» Пальнули, и тут из дома выскакивают эти фермеры, все в слезах. Поскольку я говорю по-немецки, я спросил их, нет ли здесь немцев. Они говорят: «Нет, они ушли.» - «Хорошо, уберите все это с дороги.» Они все это убрали, и мы въехали в городок, не встречая сопротивления. Добрались до центра города, выставили танки по постам, нашли себе командный пункт на ночь. Все это пока без участия пехоты…

Сразу за центром города мы разглядели мины прямо на дороге, ну я и говорю своим: «Дальше мы не идем.» В 9 утра я сказал своим: «Пойду выйду и проверю, как там наши танки.» Вышел, иду, набрел на танк, в котором была капрал Вэк (Вес Хэррел – Wes Harrel/Wac). Его прозвали Вэк, потому что он носил комбинезон, который был ему велик, висел на нем мешком и вообще смотрелся почти как юбка (WAC – аббревиатура для Women's Army Corps – Женский Армейский Корпус ВС США, Winnie the Wac – женский персонаж комиксов того периода времени). Говорю ему: «Как сам, Вэк?» Он отвечает: «Отлично, лейтенант, однако дайте мне магазин для этого автомата.» Смотрю, а перед ним стоят где-то с сотню пленных немцев, а у него и патронов нету!

Хотите услышать, как я и Гибсон (Gibson) застряли в курятнике?

Боб Росси (Bob Rossi) рассказывал, что это был угольный сарай.

Нет, это не был угольный сарай. Случилось это после того, как мы переправились через Рейн. Взвод лейтенанта Мэкса Гибсона и мой взвод объединили для переправы через Рейн. Дошли мы до первого городка, нашли нашего полковника и получили приказ продвинуться к следующему городку и занять его, сменив тех, кто переправился через реку до нас. Ну, тронулись в путь и по дороге увидели солдат, шагающих нам навстречу. Было темно, но мы определили, что это были американцы из той части, которую нам предстояло сменить. Вошли в город, назывался он Эрфельден/Erfelden, расставили по внешним постам танки. Мы с Гибсоном решили узнать, что наш полковник приготовил для нас на следующее утро. Нашли большой дом, там уже был наш полковник и майоры, которые сидели и пили кофе. Мы тоже выпили кофе и стали обсуждать, что нам предстоит сделать на следующее утро. Тут вбегает какой-то парень и докладывает: «Полковник, с Ротой *F* потеряна связь!» Еще через пару минут: «С такой-то ротой потеряна связь.» Потом говорят: «Обстреливают такую-то роту.»

Я говорю Гибсону: «Будет лучше, если мы вернемся к своим танкам.» Вышли через заднюю дверь, зашли за угол и видим немцев, человек 40, марширующих колонной по четверо или пятеро человек в шеренге. Говорю Гибсону: «Гиб, что будем делать? Кинь-ка в них гранату.» Он говорит: «Черт, у нас никаких шансов не останется.» Их и правда было слишком много. Мы шмыгнули за угол, заскочили в первый попавшийся лаз и решили там спрятаться.

Тем временем все старшие офицеры скрылись в подвале. Я говорю: «Нет, в подвал не пойду. Если туда швырнут гранату, нам крышка.» Мы стали оглядывать помещение, в котором оказались, и разглядели большие закопченные печи. Другого выхода, кроме лаза, оттуда не было. Что делать? В стене, под потолком оказалась дыра, может, в два квадратных фута. Как-то так получилось, думаю, Гибсон вдохновил меня на это – мы вылезли и через эту долбаную дыру и очутились в курятнике. Слышно было, как немцы орут на улице: «Hande hoh!»

Они что, захватили в плен офицеров, прятавшихся в подвале?

Нет, они взяли в плен парней из санитарного взвода и полагаю, нескольких ребят из взвода военной полиции. На следующий день мы их отбили, но тогда немцы взяли около двадцати человек. Ну, сидим мы в курятнике, так просидели всю следующую ночь. К утру мы услышали шум моторов, и я сказал: «Погоди-ка, Гиб, это один из наших истребителей танков.» Мы выбрались из курятника после довольно неприятного ночлега. Вышли в проезд к дому, а тут *GI* бреются, горячая вода в касках. Все вернулось к норме. Мы подошли, чтоб разобраться, наши это парни или нет. Это были наши, они были рады видеть нас, так как думали, что мы угодили в плен. Пока нас не было, эти ребята выяснили, что из нескольких кранов в городке все еще можно набрать пива, и хорошо проводили время, пока мы торчали в курятнике…

Следующая история – про Донколь/Doncols. За ночь до случившегося мы оказались в городке Берль/Berle (Люксембург), было это ближе к концу *Сражения за Выступ*. Тут мы оказались под жесточайшим артобстрелом…но на следующее утро нам сказали, что будем наступать в сторону этого маленького городка под названием Донколь. Берль стоял на холме, а Донколь – в долине и хорошо просматривался, однако борт долины был слишком крутым для того, чтобы по нему могли спуститься танки. В Донколь вела всего одна дорога, поэтому выход был один – выйти на эту дорогу и прорываться в город на максимальной скорости. Взвод лейтенанта Рэя Гриффина (Ray Griffin) пошел в прорыв первым, я двигался за ним. Он ворвался в город, укрылся за первым же сараем и стал выжидать. Я остановился за ним и сказал: «Что дальше собираешься делать, Гриффин?» Он и сам не знал, что делать дальше. Все мы оставаться в одном месте не могли, поэтому я стал продвигаться вглубь городка, другие танки пошли за мной колонной. Тут мы видим ублюдка

с *панцерфаустом* справа от нас. Я не успел достаточно быстро повернуть свою пушку в его сторону, и он выстрелил, но попал не в мой танк, а в следующий – угодил ему прямо в звездочку, гусеница слетела, и это танк покатился влево, прямо в долбаную навозную кучу. В этом танке был Зиммер (Zimmer), он мог бы рассказать вам об этом больше. Танк остановился, и кто-то подошел и приказал им сторожить пленных. Вот экипаж Гриффина и сторожил пленных всю ночь.

О чем вы подумали, когда увидели парня с *панцерфаустом*?

Думаешь о том, как бы завалить мерзавца, полагаю. Больше думать не о чем. Такое случилось со мной в Пфаффенхеке/Pfaffenheck – парень нацелил *панцерфауст* прямо в меня, и я начал поворачивать свой пулемет [калибра] .50 в его сторону, знаете, у командира танка в распоряжении только .50-й. Но я не сумел повернуть его достаточно быстро, хотя, должно, быть спугнул его, поскольку его граната прошла над танком, так что для меня все обошлось благополучно.

Ну а в Донколе вам удалось выстрелить в немца после того, как он разрядил свой *панцерфауст*?

С какого-то другого танка его завалили, конечно, да. С одного из танков, следовавших за мной – они срезали его из пулемета.

Как так случилось, что вы говорите по-немецки?

Мои дед с бабкой были немцами. Бабка была из Кенигсберга, а дед из Эльзаса-Лотарингии. Дома они часто говорили по-немецки. Я учил немецкий в средней школе три года. Сам не знаю, почему выбрал немецкий. Это был легкий путь, потому что я что-то уже знал. Другой мой дед был французом, но я за французский не брался. Когда мы шли через Францию, я ничего не понимал, знал столько же, сколько другие *GI*. Типа *Combien (Сколько)*.

Как ваши предки оказались в Америке?

Мои немецкие предки прибыли, думаю, в 1862-м. Мой французский дед был сиротой, и его усыновили какие-то американцы, отсюда и фамилия Фуллер, вовсе не французская. У другой моей бабки отец был индейцем. Его фамилия был Сенсэбо (Sensabaugh), он приехал в Америку из Канады. Я помню своего прадеда-индейца, он приходил к нам пешком из городка Данвилл/Dunnville в Онтарио, чтобы повидаться моей бабкой. У него это занимало целый день, проходил он 50 миль. Я был совсем молодым тогда, но это помню.

Что вы можете рассказть о других парнях из своего взвода? Например, Ота Мартин (Otha Martin)…

Это был классный малый. Припоминаю одну историю о Мартине. Мы брали с боем небольшой городок, форма у него в плане была в виде буквы *L*. Угол его был перед нами, левее, и, когда мы стали продвигаться по центральной улице, кто-то в нас выстрелил. У нас на броне была пехота, они соскочили, и я приказал Мартину заехать за линию домов и выпустить по фосфорному снаряду в каждый дом. Очевидно, Мартин не понял меня и начал стрелять фосфорными снаряду во все попавшие в поле зрения дома. Помню, что вскоре весь городок был в огне, на улицу стали выбегать коровы. У нас во взводе был один полоумный, не помню его имени, так он начал палить из пистолета по этим коровам, сидя на броне в передней части танка. Я приказал оставить хотя бы один дом в целости для командного пункта и просто как место для ночлега.

Тем временем одно танковое отделение добралось до конца улицы и края городка и повернуло влево. Не помню, кто это был, но помню, что они проезжали мимо одного из домов и какой-то парень выглянул из окна – сдвинул в сторону занавеску или что-то в этом

роде. Так наши застрелили его. Из дома выбежала девушка в слезах, крича: «Вы убили моего отца!» Я сказал тогда: «Ему не стоило выглядывать из окна.» Если ты видишь, что что-то движется, стреляй… Это было сделано непреднамеренно, но это случилось. Я понимал, почему так случилось, потому что я сделал бы тоже самое, если бы увидел какое-то движение. Если бы не та стрельба, не было бы причины сжигать весь городок. Всего-то пара выстрелов, черт возьми, не сделай они этого, мы бы просто въехали в мирный городок. Эти бедные люди… У них был какой-то старый ручной насос, и вот по два человека с каждой стороны стали качать воду вверх-вниз, пытаясь потушить пожар. Печальное зрелище, но они сами были виноваты.

Вы были тогда женаты?

Нет только письма писал одной… Но после войны ничего из этого не вышло. Ей не нравилось то, что я пил. Так трудно что-то припомнить. Я старею, память слабеет. Вообще смешно: одна рота, в ней три взвода, но ты едва ли знаком с кем-либо из других взводов. Ты все время со своими 25 парнями, ты спишь и ешь вместе с ними. Так это было…

Приходилось ли вам писать письма, извещающие о том, что кто-то был убит?

Да.

Вы помните первого из тех, после смерти которого вам пришлось это делать?

Джек Мэнтелл (Jack Mantell).

Это случилось в Пфаффенхеке [16 марта 1945 года]. А до этого кто-то из ваших людей погибал?

Мэнтелл, Билли Вулф (Billy Wolfe), сержант Хэйуорд (Hayward) и Хэррис (Harris) – вот имена тех, о гибели которых мне пришлось писать извещения. Еще двое были ранены, но выжили. Тот день был единственным плохим днем для меня за всю войну. Я часто думаю, могли ли мы предотвратить случившееся, но как это был сделать? В то время у нас была утвержденная командованием тактика: сначала посылаешь в бой одну группу, которая окружает. Так вот нас учили. Мы не могли двинуться вдоль по улице: там была [вражеская] пушка. Сержант Радд, он погиб, не так ли? Так он был там, он видел пушку, но не имел возможности выстрелить по ней. А пехота не сдвинулась с места. Может быть, они были на следующей улице позади нас, но дальше не продвинулись.

Почему, как вы думаете?

Думаю, со страху. Им тяжело пришлось в начале боя.

Что из себя представлял Клингермэн (Clingerman)? Он был в вашем экипаже?

Джонни Клингермэн (Johnny Clingerman)? Он был не в моем экипаже. Он был в другой машине, и после того, как его танк был подбит, он забрался на заднюю часть моего танка, когда мы маневрировали, пытаясь найти момент, чтобы выстрелить по этой пушке. Но немец попал в мой танк, снаряд прошел прямо через маску пушки и убил Мэнтелла. Клингермэн получил осколок в глаз и потерял его. В тот момент он сидел в задней части нашего танка, так его ранило… Знаете, о бое за Пфаффенхек существует много историй. Я все их прочитал, и у каждого есть своя версия. Сержант Рассел Луп (Russel Loop), вы с ним пересеклись?

Луп рассказал, что получил *Бронзовую Звезду* за то, что забрался на чердак и открыл огонь по немцам, засевшим в зарослях – тем, что были из расчета той самой

пушки, которая подбила ваш танк. Было это в городке Уденхаузен/Udenhausen. Вы это помните?

Был маленький городишко за день до случившегося. Совсем недалеко, по той же дороге, которая вела в Пфаффенхек. Пытаюсь вспомнить, где погиб Мэнтелл, в Уденхаузене или нет. Думаю, в нем…

Луп рассказал, что Мэнтелл был ранен осколком камня, который пробил ему голову, после чего он отказался идти в тыл, чтобы получить первую помощь.

Да. Он не пошел в тыл. Он был ранен непосредственно перед тем, как мы продолжили наступление в сторону Пфаффенхека. Прямо перед этим мы встретились с нашими пехотинцами. Они засели в каком-то саду. Мы решили продолжить движение по дороге, и тут откуда-то выскочил этот птенец со своим *панцерфаустом* – тот самый, который промахнулся, когда стрелял по моему танку. Я вам об этом рассказывал. Кто-то завалил его… По какой-то причине пехотинцы не сдвинулись с места. Но мы двинулись по дороге, и тогда-то тот парень и пальнул по мне. Тогда мы решили продвинуться за линию домов, Радд шел за мной. Мы знали, что там где-то есть пушка, но не имели понятия о том, как уничтожить ее. Вот тогда я и послал другие танки вперед… Тут были дома, мы были за ними. Я послал их в обход вот так, рассчитывая, что они смогут подавить ее, но случилось так, что немцы выстрелили первыми…

Кто был в вашем экипаже в тот момент?

Луп был пулеметчиком. Карл Грей (Carl Grey) водителем, я звал его *Маленьким Эбнером* (Li'l [Little] Abner – персонаж комиксов, популярных в США в 1934-1977 гг., крепкий деревенский парень). Он был крупным, высоким парнем, был похож на *Маленького Эбнера* из комиксов, большой и грубоватый парень из *кантри*. К тому же хороший механик-водитель, но не помню, когда это было, - как-то он потерял самообладание. Мы попали в передрягу или что-то вроде того, и он не захотел вести машину. Его на какое-то время вернули в роту, а потом опять прислали к нам. В тот день он был моим механиком-водителем, и он сделал свое дело превосходно, вытащив нас из дерьма после того, как нас подбили. А Мэнтелл был помощником наводчика. Пытаюсь вспомнить, кто был наводчиком… Луп был помощником водителя Мэнтелл был заряжающим, Карл водителем, так как же звали наводчика? Просто не могу припомнить.

Подбито было только два танка в тот день, насколько я помню. Ллойду Хэйуорду (Lloyd Hayward) оторвало обе ноги, и он умер от потери крови. Такое случается…

Луп рассказывал, что он пытался спасти Хэйуорда…

Да, Луп и я пытались спасти Хэйуорда и Хэрриса, но было уже поздно. Мы вкатили им полную порцию морфия – это было все, что мы могли сделать. Санитары были далеко. Вообще, я нашел нарукавную повязку санитара и нацепил ее, надеясь, что по мне не будут стрелять, но они все равно стреляли по нам.

Луп рассказывал, что Хэйуорда еще раз зацепило, когда вы несли его…

Да, осколком снаряда, который предназначался для нас. Так что мы ничего не могли сделать.

Как хорошо вы знали Хэйуорда?

Да вообще едва был знаком с ним… Знаете, это забавно, но вы все время находитесь с одной группой людей - парнями из своего экипажа. Конечно, других вы тоже знаете, но у них свой круг [товарищей], и экипаж каждого танка всегда вместе. Парни [из одного

экипажа] ночуют вместе, держатся рядом друг с другом. В большей или меньшей степени тебе приходится это делать, так как если что-то случится, вам всем придется забираться в танк одновременно…

Что вы можете сказать о Мэнтелле?

Очень молодой, спокойный, с приятной внешностью, женатый парень. Жена его осталась где-то в Милуоки – это все, что я знаю о нем. Он не был с нами достаточно долго для того, чтобы мы по-настоящему познакомились, так же было и с Билли Вулфом: он пробыл с нами совсем немного времени.

А эти двое прибыли к вам, чтобы заменить выбывших?

Возможно, потому что так это происходило – нам присылали людей группами. Почему приходила замена, я не знаю. Конечно, это случалось тогда, когда парней, набравших определенное количество баллов, отправляли домой. Это могло быть причиной для замены одного человека другим, так как у нас во взводе не было больших потерь до этого боя.

Еще был один парень… как-то мы продвигались через лес, и, судя по всему, он высунулся слишком далеко из башни, ствол пушки уткнулся в дерево. Оно спружинило и ударило его в грудь. Он много лет пытался получить в связи с этим инвалидность, но не знаю, чем это кончилось. Довольно немолодой парень, один из тех, кто постарше.

Еще была одна неприятность… Мы въехали на вершину холма. Внизу был городок, в котором мы собирались переночевать. Меня беспокоило то, что по обе стороны от нас были горки повыше, и я боялся, что с них по нам начнут стрелять. Едем, и тут «бам!» Что-то попало в мой танк. Я говорю Радду: «Шарахни по этому сукину сыну на холме.» Он передает по радио: «А это не из пушки, лейтенант, это вы на мину наскочили.» Вылезаем из танка, и точно: гусеница порвана. Пошел назад к танку Радда, ребята со мной. Оглядываюсь и говорю: «А Дрозд (Blackbird) где?» Мне отвечают: «Лейтенант, так он выскочил из танка раньше вас.» До сих пор не знаю, как этот парень выскочил из башни до меня – в то время он был заряжающим. Он был индейцем, и кличка у него была Дрозд. Так вот он и выскользнул из танка раньше меня…

Потом мы уже могли разглядеть мины на дороге – их было немного, мы их объехали и без проблем добрались до городка.

По каким-то городкам приходилось вести огонь, по каким-то нет. В некоторые просто можно войти на своих двоих. Было такое место под названием Диппах/Dippach. Подъехали к речке, это был Ур/Our. Мост был разрушен, и там, где он раньше был, в пойме ручья, ну пускай это будет река, стоял небольшой немецкий танк. Мы стоим и думаем, как будем переправляться, подошли старшие офицеры, тоже стоят и думают. В итоге, я говорю: «Давайте попытаем счастье.» Пехотинцы спрыгнули с танка, в нем остались только я и мой водитель, вот мы и попытались форсировать речку. И мы с этим справились, а за нами на другой берег перебрались и другие танки. Оказались мы на широком поле перед этим самым городком. Ну мы рассредоточились в линию, вошли в этот город безо всяких проблем, хотя, может, и постреляли немного. Однако в книге о 712-м Батальоне (имеется в виду книга *The Armored Fist: The 712th Tank Battalion in the Second World War. Aaron Elson*) написано, что у нас был классический строй, что мы брали этот город, там полно всякой ерунды. Я не помню вообще никакой стрельбы, хотя город был немаленький.

Были ли вы со своим батальоном, когда он вошел в Флоссенбюргский концентрационный лагерь?

Нет. Но мы захватили один небольшой концлагерь, а название городка я не припоминаю. В нем были заключенные, которых мы освободили. Это были американцы.

Когда мы форсировали Мозель/Moselle в последний раз, предполагалось, что мы будем брать этот городок. В этом городе была группа американцев, взятых немцами в плен. Входя в город, мы сначала пальнули из пушки вдоль улицы. Неподалеку от нас на краю этой улицы стоял большой сарай. Мы влепили в него снаряд, и, думаю, из-за это было ранено несколько наших парней, которых [немцы] держали в этом сарае. Большого боя там не случилось. Небольшие стычки. Ничего похожего на некоторые из историй, которые вы услышали. Каждый танк немного пострелял…

Что вы можете вспомнить о том, как вы обнаружили военнопленных американцев?

На самом деле, ничего. Дали им сигарет, и все. Там были пехотинцы, они об этих ребятах и позаботились. У нас на военнопленных времени не было.

Как-то мы приблизились к небольшому городку, присмотрелись и увидели, что вся улица забита, вроде как, грузовиками или чем-то похожим. Мы открыли огонь, потом подошли поближе. Оказалось, это все были фургоны, в которые запрягают лошадей, набитые всевозможными припасами. Появились немцы и стали сдаваться в плен – молодые пацаны, просто дети, лет по 17 или 18 от роду. Чего только не было в этих фургонах! Один молоденький немец там был, спрашиваю его: «Где ваш лейтенант?» Он отвечает: «Ушел куда-то.» Пришлось нам их оставить на попечение пехоты, нам было не до них.

Можете ли вы вспомнить имена командиров танков своего взвода? Одним из них был Ота Мартин…

Сержант Радд, Хейуорд, который погиб.

Хэррис?

Это тот, которому прострелили голову?

Мартин рассказывал, что ему пробило голову 40-миллиметровым снарядом.

Такого просто не могло быть. 40-миллиметровый снаряд имеет вот такой размер. От головы бы просто ничего не осталось.

Радд писал в своем письме, что он умер от потери крови…

В это я бы скорее поверил. Вероятно, это было пулевое ранение. Я сам был ранен осколками три или четыре раза. Только раз в меня угодила пуля. Они попали в танк, от брони отлетели ее осколки, один попал в плечо, другой в руку. Я был в танке, но ты всегда высовываешься из него наполовину. Приходилось, потому что эти перископы были полным дерьмом.

Когда меня зацепила пуля, она попала в тыльную часть ладони. Моя рука лежала на ободе люка, мы переваливали через холм, и прямо напротив нас оказались окопавшиеся немцы. Один из них выстрелил из *панцерфауста* и попал в корпус дифференциала. Особого ущерба выстрел не нанес, но в нем пробило дыру, через которое вытекло масло, однако танк продолжал двигаться. Мы открыли огонь по противнику, засевшему в неглубоких окопчиках, и тут один немецкий ублюдок выскочил из окопа, выпустил по нам очередь и нырнул обратно. Мы выстрелили по нему, в итоге, мы с ними справились. Мне поцарапало руку, так, ничего особенного, но на мне были кожаные перчатки с подкладкой из кроличьего меха, так вот этот мех мне загнало под кожу. Я об этом забыл, но дня через три рука

распухла, и мне пришлось идти к врачу. Они разрезали рану и прочистили ее. Это было мое самое заметное ранение за всю войну. Осколки были мелочью.

Луп рассказывал мне, что как-то ночью вы потерялись, и два немецких танка встроились в вашу колонну.

Так, должно быть, и случилось. Не вполне уверен, что это была та же самая ночь, когда Гриффин потерял танк. Помню одну ночь, опять случай с Гриффином – мы застряли где-то по какой-то причине, и тут кто-то сказал, что впереди нас какие-то немецкие танки. Мы спешились и, правда, набрели на немецкий танк – даже было слышно, как эти ублюдки о чем-то говорят внутри танка. Мы вернулись назад, попытались раздобыть базуку, но под рукой ни у кого ее не оказалось. В итоге, немцы укатили куда-то.

Был это один из тяжелых немецких танков?

Нет, это был средний или легкий танк. И хоть мы были рядом и слышали, как эти мерзавцы разговаривают внутри танка, у нас с собой даже не было гранат.

Что вы можете вспомнить о том, как удалось захватить два немецких танка?

Они двигались вслед за нами, должно быть, они приняли нас за своих.

И что вы подумали тогда?

Не знаю, думал ли я о чем-нибудь тогда. В то время мы просто ненавидели немцев. Я мало что помню о том случае. Если бы я помнил все, что происходило, я написал бы книгу. Вы ждали слишком долго. Лет 20-30 назад люди могли бы рассказать вам многое…

Что вы помните о Билли Вулфе?

Едва ли что-нибудь, поскольку он был настолько тихим парнем… ну просто маленький паренек с фермы. Он пробыл с нами совсем немного для того, чтобы близко познакомиться с кем-либо. Сколько он вообще протянул, где-то месяц? Он был в экипаже сержанта Хэйуорда. На следующее утро [после боя] я залез в их танк, чтобы найти солдатские жетоны или что-то еще, но в танке не оказалось ничего.

Сейчас будет трудный вопрос. Вы можете не отвечать, но, если это не слишком болезненная тема, я был бы признателен, если бы вы вспомнили что-то по возможности. Что вы вообще чувствовали, когда забирались в тот танк?

Вообще, думаю, я был слишком толстокожим. Я вообще ничего не чувствовал. Я просто искал жетон, чтобы найти подтверждение тому, что он мертв, но внутри танка были только мелкие осколки костей размером в один-два дюйма. Так как взорвалось горючее, там мало что осталось.

Ну а запах был в танке?

Нет. Вообще никакого. Ничего подобного тому, о чем вы думаете – никакого трупного смрада. Огонь поглотил все… Все было разворочено, все провода полностью сгорели, ничего не осталось. После того, как Мэнтелл был убит в моей машине, пришел капитан Шеппард (Sheppard), увел танк с телом Мэнтелла в нем, и я больше ни разу не видел ту машину.

Но вас сильно потрясло все это, разве нет?

О, да. Он принес мне кварту виски. Я все это выпил и лег спать. Эта дрянь случилась с нами тогда в первый раз. После боев за *Выступ* и всего остального, я перенес травму, как вы бы сейчас это назвали. Но я превозмог все это. У меня не было танка, и мы одолжили машину в Роте *А*. Я снова, как обычно, был в головном танке, но кто-то из ребят Роты *А* сказал тогда: «Лейтенант, мы не можем быть головной машиной.» Я спросил: «Почему?» Он говорит: «В этом танке нет рации.» Ну я и говорю: «Да черт с ней.» Ничего с нами потом не случилось. Мы вышли к Рейну и остановились. Затем мы спустились к городу Боппард/Boppard, где форсировали реку. В том городе мы простояли несколько дней. Кто-то свалил в самоволку, не помню, кто это был. Даже не знаю, нашли ли его потом. Может, и нашли, но я ничего об этом не слышал. Думаю, парень сбежал к какой-то немке.

Танки 712-го Батальона в Арденнах

Что вы возили с собой в танке?

Мы возили с собой два или три ящика с пайковой едой. В задней части танка обычно были спальные мешки. Как-то мы захватили городок, где разжились десятью ящиками шампанского.

Ну а как было в Париже, когда вы в нем очутились?

Ночная жизнь понеслась с полным размахом. Само собой, были затемнения. Девчонки шатались по улицам. Но тогда не было кафе на улицах, если это, что вы думаете про Париж. Я посетил Нотр-Дам, забирался на Эйфелеву башню, побывал на площади Пигаль и в кабаре Мулен Руж. То есть, с красотами Парижа я ознакомился, но из всех городов, в которых я побывал за океаном, мне больше всего понравился Бристоль. Там я поразвлекался в наибольшей степени, уж не знаю, как так получилось…

Там у вас завелась подруга?

Да нет, я просто подружился с парой семейств, мы ходили по вечерам в пабы, я играл в них на пианино, мы пели, я и дома у них бывал…

Когда Шеппард принес вам бутылку виски, вы вместе с ним выпили всю бутылку?

Да нет, уверен, я разделил ее с ребятами. Вообще, парни обычно сами находили себе вдоволь выпивки, в домах обычно было вино. Пытаюсь вспомнить, что из выпивки было в Париже, – кальвадос, яблочное виски – просто убийственный напиток. Им можно было заправлять зажигалки.

Что еще вам рассказать? Про *Выступ* я помню только то, как холодно и мерзко там было. Танки увязали в грязи и теряли гусеницы. Эти холодные ночи… Половину времени нам негде было переночевать, торчали в этих долбаных лесах. Однако там было несколько стычек…

Что это была за пушка, их которой вас подбили в Пфаффенхеке?

Это была 88-миллиметровка.

Луп говорил, что это была 75-миллиметровка…

Нет, это была 88-миллиметровка: наверняка, поскольку она пробила танк насквозь… После того, как мы отошли за линию домов, сержант Радд остался за одним из домов, а мы отошли немного подальше, вглубь городка. Мы нашли артиллерийского корректировщика, сказали ему, где находится [немецкая] пушка… Она была совсем близко, прямо по одной линии от нас за танком Радда, ненамного дальше, чем в 15 футах от нас. Он [корректировщик] не мог навести на них артиллерию, поскольку они были слишком близко к нам и нас могло зацепить… Но мы вызвали огонь, он наводил его, и, в итоге, снаряд пролетел прямо над нами и, очевидно, угодил в пушку. После этого в атаку пошла пехота, к этому времени немцы стали отходить. Эта единственная долбаная пушка принесла нам столько неприятностей…

Пфаффенхек (не позднее 1995 г.)

Радд говорил, что ваш танк уничтожил одну из пушек, было такое?

Нет, не в тот день. Думаю, это сделали артиллеристы.

Немецкое военное кладбище в Пфаффенхеке

В какой момент войны вы испытали самый большой страх?

Пытаюсь вспомнить… Должен сказать, это было в том маленьком городке Берле, где мы попали под сильный артиллерийский обстрел – там они вытрясли из нас душу. Я находился в маленьком доме на вершине холма, и между мной и летящими снарядами была дощатая стена толщиной в половину или две трети дюйма. Почему я не спрятался в танке, я и сам не знаю, вероятно, потому, что было слишком холодно.

Это были *screaming meemies*?

Нет, это были 88-миллиметровки. Мы слышали несколько раз, как стреляют *meemies*, но [немцы] использовали их, в основном, против пехоты. Танкам от них ущерба бы не было. Их настоящее название – *nebelwurfers* (правильное название – nebelwerfer – шестиствольный реактивный миномет). [Немцы] использовали их в сражении за *Выступ* и на *Линии Зигфрида* против пехоты. У нас с *Линией Зигфрида* проблем не было. Я помню эти бетонные штуки (надолбы), но мы их просто обошли.

Тот артобстрел в Берле, где нас просто осыпáли снарядами всю ночь… Это случилось непосредственно перед тем, как мы вошли в Донколь. Но тогда мы так и не сумели найти какие-либо пушки, не знаю, где они были, должно быть, они отвели их в тыл. Думаю, в той транспортной колонне, которую мы тогда захватили, была пара пушек - их тянули лошади. Я рассказывал вам, там было избиение несчастных лошадей, ну а что поделаешь?

Став постарше, что вы думаете о пацанах, которых вы увидели в той ситуации?

Тогда они были немцами. Этого было достаточно, чтобы отключить у вас [какие-то чувства]. После войны мы видели их марширующими по дорогам в несметных количествах… тогда мы чувствовали что-то вроде жалости по отношению к ним, потому что они выглядели словно оборванцы. Но большинство немцев, которые попадали нам на глаза, были среднего возраста или немного старше тех самых малолеток…

Я хотел задать вам вопрос о сержанте Хэйуорде. До того, как он скончался, ему оторвало обе ноги?

Когда мы увидели его, он лежал на земле рядом с танком. Ног больше не было: они были оторваны на половине расстояния от коленей до паха…

И он сумел выбраться из танка?

Каким-то образом он выбрался из танка. Но мы уже ничем не могли ему помочь.

Он был без сознания или успел что-то сказать?

Нет.

Но было очевидно, что он еще жив?

Ну, кровь еще текла… Может, он и был без сознания или уже отходил…

А вы могли наложить жгуты на его раны?

Да мы попытались затянуть ремни на нем. Дали ему укол морфия – это все, что мы могли сделать. Но нам нужно было поскорее убираться оттуда, потому что мы были под огнем – я и сержант Луп.

То есть, он не мог ничего сказать?

Нет. На самом деле, никто из них ничего не сказал, за исключением маленького китайца, которого мы отправили к санитарам с его руками. Он получил сильные ожоги [рук], хотя могло быть и больше, чем только руки. Даже не знаю, что случилось с ним потом. Гриффин пытался найти его, но нам это не удалось. Мы звали его Чоп Чоп/Chop Chop. Просто приятный маленький паренек, никого никогда не беспокоил. Он был помощником механика-водителя. Он был коротышкой.

Он что-нибудь рассказывал о своей семье?

Он вообще едва ли с кем-нибудь разговаривал…

Вы лично встречались с Паттоном?

Я видел его только один раз, после войны. Дело было на встрече в Гармиш-Партенкирхене, который мы посетили вместе с Бобом Вутеком. До чего симпатичный городок… Паттон, преимущественно, интересовался нашим мнением относительно того, что мы могли бы сделать или что должны были сделать. Вообще, одной из наших заноз была плохая радиосвязь, это была одна из наших наибольших проблем. И, само собой, нехватка боеприпасов, горючего, много такого, с чем трудно справиться, как я полагаю. Но я помню, он задавал вопросы всем офицерам, а я жаловался на отсутствие нормальной радиосвязи.

И каким был его ответ?

«Придется нам над этим поработать.» Примерно все, что он сказал. Особенно много сказать он не мог, просто поблагодарил всех. Мы провели несколько дней на этом чудесном курорте, хорошо ели, жили в хороших условиях. Некоторые из ребят покатались по озеру. Я тоже покатался.

Когда мы уезжали домой, нам сказали, что мы ничего не можем брать с собой. Думаю, что, когда мы добрались до Марселя, я избавился от всего оружия, которое у меня было, от фотокамер и от всего остального, но, бог ты мой, никто не стал обыскивать мои вещи. Приехав домой, я через несколько лет собрал все это оружие и выкинул его в речку. Теперь я сожалею об этом.

А почему вы это сделали?

Отец уговорил. Ему не нравилось то, что в доме есть оружие. Ну вот, для того, чтобы он был доволен, мы собрали все оружие, сели в лодку и выкинули его посреди реки. Интересно, что, когда он был помоложе, у него была большая коллекция оружия: пистолеты, винтовки, все такое. Когда он постарел, он уже не хотел, чтобы все это было у нас.

А он участвовал в ПМВ?

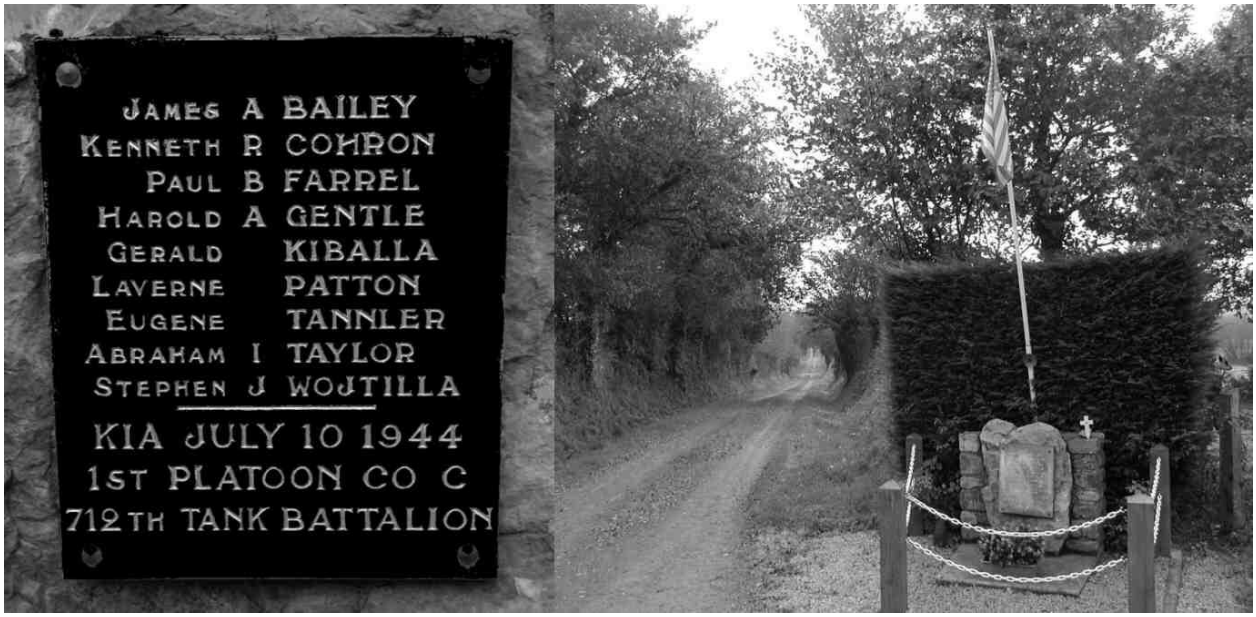
Нет, он служил в *Национальной Гвардии*, был поваром.

Ощущали ли вы какие-либо последствия от войны на себе, например, кошмарные сны?

Ничего серьезного. Так, иногда думаешь о чем-то, но никаких травм, которые беспокоили бы меня. Всякие мелочи**.**

Например?

Ну, может быть, картина с кучей мертвых немцев приходит в голову. Как некоторые из парней наступали на живот одному из этих, чтобы выдавить газ… А потом забирали у них из карманов все, что могли.



Памятник танкистам 712-го Батальона, погибшим в бою за Высоту 122. Нормандия, близ города Ле-Плесси/Le Plessis

То есть, такие картины, от которых трудно избавиться?

Такое, что невозможно забыть, как, например, сцены в Нормандии, когда ты видишь всех этих коров, убитых огнем артиллерии или еще чем-то и валяющихся на спине. Чтобы от

этого избавиться, нужен психиатр, но я не из числа тех, которые готовы лечиться у этих парней…

Значит, солдаты делали это, если труп был раздутым?

Наступали на него, чтобы выдавить газ. Я говорил вам, немцев ненавидели.

А танки когда-либо ездили по трупам?

Нет, насколько я знаю, хотя это возможно. Я слышал пару историй о том, как танки давили своих же парней, которые оказывались позади машины. Непреднамеренно, это были несчастные случаи, когда танк сдавал назад. Не думаю, что в нашей части такое случалось. Когда я был в военном лагере Чэфи, один танк пытался переехать реку по мосту, но перевернулся, упал в воду, и экипаж попал в ловушку. Люк запасного выхода был в днище танка, он проржавел. И они не смогли его открыть. Так весь экипаж погиб – все задохнулись выхлопными газами.

Когда вы вернулись домой, та девушка, с которой вы переписывались, порвала отношения с вами?

Ну, потом мы встречались. Мы с ней проводили время вместе, но у меня появилось небольшое пристрастие к выпивке. Она ругала меня, говорила, чтобы я бросил пить, но я сказал ей, что не собираюсь это делать, и на этом наш роман закончился. Мы были вместе года четыре, поскольку у меня был магазинчик на улице *Fillmore*, а ее там же, на соседнем углу… Так она до сих пор тоже одна. Да, она так и не вышла замуж. Был у нее после меня бойфренд, но долго не продержался. Она живет в городке Чиктовага/Cheektowaga, в нескольких милях от меня.

Вы с ней в контакте?

Нет, но часто видел ее сестру. А ее не видел много лет. Писал ей, все сувениры, которые у меня были, послал ее младшему братишке, поэтому-то у меня ничего не осталось. Нацистские флаги и все такое прочее…

А кому вы еще писали? Матери и отцу?

Ну конечно, всегда, когда думал о них. Мать умерла, когда я вернулся с Гавайев, то есть, писал отцу. Еще моим сестрам и братьям иногда. Нет, братьям не писал: они оба были на военной службе. У меня два брата и две сестры. Брат Джон служил в армии, а брат Верн – в стройбате ВМФ. Оба младше меня. Оба вернулись без ранений, но младший брат получает пенсию, потому что оглох из-за артобстрелов на Гуадалканале. Я обошелся без [серьезных] ранений, так что не о чем и говорить, это все не то, что случилось с теми, кто остался без рук и без ног…

Какие награды вы получили?

Серебряную Звезду и *Пурпурное Сердце*. Ну и, конечно, все эти нашивки за участие в разных военных кампаниях

Фуллер (второй слева в заднем ряду) с боевыми товарищами

Передний ряд слева направо: Russell Loop, Indianola, Illinois; Joseph Rickel, Racine, Wisconsin; Lloyd Seal, Orange, Texas. Задний ряд слева направо: Jack Mantell, Milwaukee, Wisconsin (погиб); Lt. Francis Fuller, Tonawanda, New York; Carl Grey Jr., Oswego, Kansas; John Zimmer, Macedon, New York; Otha Martin, Leguire, Oklahoma.

Оригинальное интервью – Aaron Elson - http://www.tankbooks.com/interviews/snuffy1.htm

Сокращенный перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org